

Красавский Николай Алексеевич

КОНЦЕПТЫ "СТРАХ" И "ЖЕСТОКОСТЬ" В НОВЕЛЛЕ ФРАНЦА КАФКИ "ПРЕВРАЩЕНИЕ"

На материале новеллы "Превращение" известного австрийского писателя Франца Кафки выявлены и описаны доминантные концепты. К ним относятся страх и жестокость. Установлено, что данные концепты высокочастотно выражаются в новелле. Доминантный статус концептов "страх", "жестокость" обусловлен идейным содержанием новеллы "Превращение". Их актуализация в этом произведении осуществляется преимущественно через такой способ вербализации, как экспликация.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-2/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 2. С. 100-103. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81.373

На материале новеллы «Превращение» известного австрийского писателя Франца Кафки выявлены и описаны доминантные концепты. К ним относятся страх и жестокость. Установлено, что данные концепты высокочастотно выражаются в новелле. Доминантный статус концептов «страх», «жестокость» обусловлен идейным содержанием новеллы «Превращение». Их актуализация в этом произведении осуществляется преимущественно через такой способ вербализации, как экспликация.

Ключевые слова и фразы: лингвоконцептология; концепт; концептосфера; слово; лексема; новелла; пассаж; речевое воплощение.

Красавский Николай Алексеевич, д. филол. н., профессор
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
nkrasawski@yandex.ru

КОНЦЕПТЫ «СТРАХ» И «ЖЕСТОКОСТЬ» В НОВЕЛЛЕ ФРАНЦА КАФКИ «ПРЕВРАЩЕНИЕ»

Ретроспективный взгляд на историю развития отечественной лингвистики в последние два десятилетия позволяет констатировать лингвоконцептологический исследовательский бум [2; 4; 7; 13]. Лингвоконцептология, вне сомнения, значительно обогатила методологически и фактуально не только науку о языке, но и сопряженные с ней культурологию, лингвокультурологию, этнографию. Наибольший интерес, по нашему мнению, вызывают те лингвоконцептологические работы, в фокусе внимания которых оказываются концептосферы разных национальных языков. Описание концептов в сопоставительном аспекте выявило их этномаркированность (немецкая пунктуальность, русская душа и др.). В этномаркированных концептах наиболее четко выражены особенности национального менталитета, специфика склада характера народа, его мышления, система приоритетов той или иной этнической группы. Укажем, что данный тип концептов уже основательно исследован, что, однако, не значит заполнения всех лингвоконцептологических ниш в современной филологии. Так, в частности, одной из них следует признать лингвокультурные типажи как разновидность концептов. Лингвокультурные типажи, согласно В. И. Карасику, дефинируются как «обобщенные узнаваемые образы представителей той или иной культуры» [8, с. 221]. В настоящее время теория лингвокультурных типажей привлекает внимание многих лингвоконцептологов [1; 3; 14]. Но перспективы развития лингвоконцептологии не сводятся только к теории лингвокультурных типажей. Полагаем, что перспективно и исследование индивидуально-авторских концептов и в целом индивидуально-авторских концептосфер [6; 9; 10; 11]. Эмпирической базой для их изучения служат, как правило, художественные произведения наиболее известных писателей и поэтов, чье творчество оставило неизгладимый след в истории гуманитарной мысли. Среди таких писателей-интеллектуалов Франц Кафка (1883-1924 гг.). Его творчество часто становилось предметом интерпретации в литературоведении, философии и психоанализе, что обусловлено глубиной мысли и масштабом самой личности Ф. Кафки. Стоит заметить, что его произведения, изобилующие парадоксами и нередко абсурдностью сюжетов, толковать достаточно сложно. Определение и описание индивидуально-авторских концептов Ф. Кафки осложнено самой «техникой» их вербализации. Данные когнитивные конструкты, судя по исследованному материалу, значительно реже обозначаются, чем выражаются. Иначе говоря, само имя концепта не называется соответствующим словом. Сам же концепт эксплицируется различными языковыми средствами, не имеющими часто прямого отношения к соответствующей предметной области. В художественных произведениях, как показывает наш собственный исследовательский опыт изучения индивидуально-авторских концептов, равно как и чужой опыт их описания [5; 12], имеет место противоположная картина – концепты обозначаются не реже, чем выражаются. Это – во-первых. Во-вторых, определение концептов (в частности, доминантных) в произведениях австрийского писателя затруднено фантазмагоричностью изображаемых сюжетов, зашифрованностью мысли Ф. Кафки, парадоксальностью его размышлений, что придает текстовому полотну свойства нечеткости и размытости.

В предлагаемой читателю статье ставится задача выявления доминантных концептов в новелле Ф. Кафки «Превращение». Статусом доминантных обладают те концепты, посредством которых раскрывается идейное содержание произведения. Основную идею новеллы «Превращение» можно сформулировать как жуткую, внешне прикрытую законами приличия современной цивилизации дегуманизацию общества, в котором торжествуют корысть, эгоизм и жестокость, выступающие маркерами описываемой эпохи (начало прошлого века). Обесчеловечение человека, потребительское отношение к нему, отсутствие милосердия и сострадания мастерски показаны Ф. Кафкой на примере семьи Замзы, один из членов которой безропотная жертва – любящий родителей и сестру, малодушный, смиренный Грегор.

Фантазмагоричен сюжет новеллы. Кормилец семьи сын Грегор просыпается утром насекомым (жуком-многоножкой). Его ужас вызван не самим превращением в насекомое, но мыслью об опоздании на работу. Тут же является в семейство Замзы прокурисст – представитель торговой фирмы, в которой работает Грегор, и начинает угрожать и обвинять его в лени и безответственности. Грегор-жук, с невероятными усилиями выползший из своей комнаты для объяснения своего невыхода на работу, обращает своим внешним видом в панику прокурисста и в состояние ужаса свою семью – отца, мать и сестру Грету. Трансформация Грегора в жука-многоножку чревата тяжелыми последствиями для семьи. Теперь отец, мать и дочь вынуждены работать. Лишившись кормильца, они расстаются с прежней беззаботной жизнью. Отныне вся их жизнь в воспоминаниях и суждениях распадается на два периода – «до и после». Грегор-жук живет в своей комнате без права выхода из нее. Два раза в день к нему заходит на минутку сестра с остатками пищи после семейной трапезы. Грегор,

потерявший человеческий облик и язык, сохранил, однако, разум. Уставшая от физического присутствия в квартире Грегора-жука семья не знает, как соблюсти правила приличия и при этом от него избавиться. Любимая сестра Грегора Грета первой озвучила мысль, которую ее родители не решались произнести вслух: «Он должен уйти». Грегор, услышавший через двери разговор в соседней комнате, внутренне согласился с решением семьи, которую годами содержал и которую любил: к утру он умер. В этот же день отец, мать и дочь в радостно-приподнятом, но и слегка грустном настроении выходят впервые за полгода на прогулку в город.

Концептосфера художественного произведения, как мы указывали выше, есть производная его идейного содержания. В новелле «Превращение» концепт «страх» занимает значительное место. Уже в самом начале произведения Грегор, в двери которого стучит прокурисст, а в соседней комнате всхлипывает сестра из-за его прихода, испытывает страх за возможную потерю своего рабочего места: «*Warum ging denn die Schwester nicht zu den anderen? <...> Und warum weinte sie denn? Weil er nicht aufstand und den Prokuristen nicht hereinließ, weil er in Gefahr war, den Posten zu verlieren, und weil dann der Chef die Eltern mit den alten Forderungen wieder verfolgen würde? Das waren doch vorläufig wohl unnötige Sorgen*» [16]. / «Почему сестра не шла к остальным? <...> И почему же она плакала? Потому что он не вставал и не впускал прокурисста, потому что он мог потерять рабочее место и потому что в этом случае хозяин фирмы опять начал бы преследовать родителей своими прежними требованиями. Но это же были все еще преждевременные страхи» (Здесь и далее перевод автора. – Н. К.). Грегор, как видим, прекрасно понимает причины волнения и страха своей сестры, как и испуг родителей, увидевших служащего от фирмы в их квартире. Ключевыми в приведенном пассаже выступают лексемы *die Gefahr* (опасность), *der Posten* (должность), *verlieren* (потерять). Услышав угрозы и обвинения в нерадивости в свой адрес, Грегор сильно испугался и стал сбивчиво объяснять ситуацию: «*Aber Herr Prokurist, rief Gregor außer sich und vergaß in der Aufregung alles andere, ich mache ja sofort, augenblicklich auf. Ein leichtes Unwohlsein, ein Schwindelanfall, haben mich verhindert aufzustehen. Ich liege noch jetzt im Bett. Jetzt bin ich aber schon wieder ganz frisch. Eben steige ich aus dem Bett. Nur einen kleinen Augenblick Geduld!*» [Ibidem]. / «*Ho господин прокурисст, – воскликнул Грегор, теряя контроль над собой и от волнения забыв обо всем остальном, – я ведь сразу же открою дверь. Легкое недомогание, непродолжительное головокружение не позволили мне встать. Я и сейчас все еще в кровати. Но я уже в полном порядке. И я уже поднимаюсь. Минуту терпения!*» Из приведенного пассажа новеллы легко увидеть масштаб зависимости Грегора и, следовательно, его семьи от руководства торговой фирмы и панический страх, испытываемый протагонистом при первом упоминании об увольнении.

Опасности и угрозы для Грегора исходят не только от официального лица, но и от родного отца. Своим внешним видом и ползанием в попытке остановить убегающего прочь прокурисста Грегор-жук вызывает неприязнь, раздражение и даже порыв ненависти у своего отца. Старший Замза преследует по квартире сына, угрожая ему палкой и размахивая газетой, стараясь выгнать его из зала: «*Endlich aber blieb Gregor doch nichts anderes übrig, denn er merkte mit Entsetzen, dass er im Rückwärtsgehen nicht einmal die Richtung einzuhalten verstand; und so begann er, unter unaufhörlichen ängstlichen Seitenblicken nach dem Vater, sich <...> umzudrehen. Vielleicht merkte der Vater seinen guten Willen, denn er störte ihn hierbei nicht, sondern dirigierte sogar hie und da die Drehbewegung von der Ferne mit der Spitze seines Stockes*» [Ibidem]. / «*В конце концов, однако, Грегору ничего другого не оставалось, так как он с ужасом увидел, что, перемещаясь назад, он не может даже притерпеться определенного направления. По этой причине, не переставая со страхом коситься на отца, он начал <...> поворачиваться. Отец, похоже, заметил его хорошее намерение и не только не мешал ему поворачиваться, но даже издали стал направлять его движение кончиком своей палки*». В приведенном отрывке новеллы Грегор – это страдающее, испуганное животное, не знающее, где ему скрыться от людей.

Беззащитный Грегор-жук, ползающий по квартире, хорошо понимает исходящую от отца реальную опасность для своей жизни: «*Wenn sich Gregor nur hätte umdrehen dürfen, er wäre gleich in seinem Zimmer gewesen, aber er fürchtete sich, den Vater durch die zeitraubende Umdrehung ungeduldig zu machen, und jeden Augenblick drohte ihm doch von dem Stock in des Vaters Hand der tödliche Schlag auf den Rücken oder auf den Kopf*» [Ibidem]. / «*Если бы Грегор сумел бы повернуться, то он тотчас же был бы в своей комнате, но он боялся вызвать раздражение отца медлительностью своего разворота, а палка отца в любую минуту могла нанести ему смертельный удар по спине или по голове*». Состояние страха протагониста передано глаголом *sich fürchten*, а через употребление лексем *drohen* (угрожать), *der Stock* (палка), *der Schlag* (удар), *tödlich* (смертельный) выражена угроза для жизни Грегора.

Концепт «страх», согласно исследованному материалу, обозначается в новелле лексемами *die Angst* (страх), *der Schrecken* (ужас), *fürchten* (бояться), *scheuen* (бояться) и их производными (*ängstlich* – боязливо, *ängstigen* – напугать, *erschrecken* – испугать, *schrecklich* – ужасно, *fürchterlich* – страшно, ужасно и др.). Общее количество словоупотреблений членов синонимического ряда «Angst» и их производных равно 34. Замечено, что рассматриваемый концепт в новелле, однако, чаще выражается, чем непосредственно обозначается.

К числу доминантных в когнитивном пространстве новеллы Ф. Кафки относится и концепт «жестокость». Посредством речевого воплощения данного концепта реализуется центральная идея произведения – дегуманизация общества.

В немецком языке лексико-семантическое поле «жестокость» представляет собой разветвленную денотативную область. Его важнейший сегмент – лексико-семантическую группу «*grausam*» составляют, согласно лексикографическому источнику [15], следующие слова: *grausam* (изуверский), *barbarisch* (варварский), *bestialisch* (зверский), *brutal* (зверский), *entmenscht* (нечеловеческий), *erbarmungslos* (безжалостный), *gefühllos* (черствый), *gewalttätig* (насильственный), *gnadenlos* (беспощадный), *grimmig* (свирепый), *herzlos* (бессердечный), *inhuman* (бесчеловечный), *rigoros* (суровый), *rücksichtslos* (безжалостный), *roh* (жестокый), *schonungslos* (беспощадный), *tierisch* (зверский), *unbarmherzig* (безжалостный), *viehisch* (скотский). Однако ни одно из этих слов в новелле

Ф. Кафки не употребляется, что не свидетельствует об отсутствии актуализации концепта «жестокость» в новелле «Превращение». В ней данный концепт находит речевое воплощение на уровне экспликации.

Грегор Замза, как кажется, – жертва случайного стечения обстоятельств. Сам по себе факт его трансформации в насекомое почему-то не удивляет семью Замзы. Однако ее беспокоит перспектива нищеты, отказа от привычно праздного, ставшего благодаря трудолюбию и самопожертвованию Грегора образа жизни. Грегор, внезапно потерявший статус человека как биологический вид и, следовательно, как член социума, оказывается никому не нужным ни в его торговой фирме, где он старательно работал, стремясь погасить долги отца, ни в семье, находящейся на его содержании. Превращение Грегора в жука-сороконожку, который никому не может быть более полезным, согласно Ф. Кафке, – это образец исключительно инструментального отношения в обществе к человеку. Беспольный Грегор-жук вызывает раздражение и злобу у окружающих его членов семьи. Особенно жесток в обращении с Грегором его отец, раздражение которого часто перерастает в ненависть к сыну. Грегор-жук периодически решается на вылазки из своей комнаты в зал, стремится видеть семью, слышать голоса родителей и, особенно сестры Греты. Отец пинками заталкивает Грегора в его комнату, не испытывая к нему ни малейшей жалости: *«Die eine Seite seines Körpers hob sich, er lag schief in der Türöffnung, seine eine Flanke war ganz wundgerieben, an der weißen Tür blieben häßliche Flecken, bald steckte er fest und hätte sich allein nicht mehr rühren können, die Beinchen auf der einen Seite hingen zitternd oben in der Luft, die auf der anderen waren schmerzhaft zu Boden gedrückt – da gab ihm der Vater von hinten einen jetzt wahrhaftig erlösenden starken Stoß, und er flog, heftig blutend, weit in sein Zimmer hinein. Die Tür wurde noch mit dem Stock zugeschlagen, dann war es endlich still»* [16]. / «Одна сторона его туловища приподнялась, он лежал наискось в дверном проходе, один его бок был весь в ранах, на белой двери остались отвратительные пятна; теперь он застрял и уже никак не мог самостоятельно перемещаться дальше, на одном боку лапки повисли, дрожа, вверху; на другом боку лапки были больно прижаты к полу. И тогда отец с такой силой дал ему сзади спасительного пинка, что Грегор, весь обливаясь кровью, буквально влетел в свою комнату. Дверь закрыли с силой палкой, и наконец-то наступила желанная тишина». Но еще большие душевные страдания приносит Грегору решение сестры Греты и матери вынести вещи и мебель из его комнаты: *«Sie räumten ihm sein Zimmer aus; nahmen ihm alles, was ihm lieb war; den Kasten, in dem die Laubsäge und andere Werkzeuge lagen, hatten sie schon hinausgetragen; lockerten jetzt den schon im Boden fest eingegrabenen Schreibtisch, an dem er als Handelsakademiker, als Bürgerschüler, ja sogar schon als Volksschüler seine Aufgaben geschrieben hatte...»* [Ibidem]. / «Они опустошали его комнату, отбирали у него все то, что ему было столь дорого; сундук, в котором лежали его лобзик и иные инструменты, уже был вынесен; теперь они стали двигать продавивший со временем паркет письменный стол, за которым он делал уроки, когда учился в торговом, в реальном и даже еще в народном училище». С выносом мебели и предметов родственники лишают Грегора возможности чувствовать себя человеком, отбирают у него право и возможность вспоминать.

Подытожим изложенное выше.

Исходя из анализа новеллы Ф. Кафки «Превращение», мы можем заключить, что идейное содержание художественного произведения определяет его концептосферу, т.е. совокупность концептов. Концептосфера состоит из доминантных (ключевых) и второстепенных (маргинальных) концептов. В первую очередь через речевое воплощение первых из них реализуется коммуникативный замысел автора текста. Статусом доминантных в новелле «Превращение» обладают концепты «страх» и «жестокость». Их актуализация в этом произведении осуществляется преимущественно через экспликацию как способ вербализации когнитивных конструктов. Концепт «страх» в новелле «Превращение», помимо экспликации, обозначается соответствующими лексемами, в то время как концепт «жестокость» актуализирован исключительно через такой способ вербализации, как выражение.

Список литературы

1. Асадуллаева А. В. Исторический криминальный лингвокультурный типаж «английский пират»: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2011. 22 с.
2. Болдырев Н. Н. Концептуальные структуры и языковые значения // Филология и культура: материалы II Междунар. конф. (12-14 мая 1999 г.): сб.: в 3-х ч. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 1999. Ч. III. С. 62-69.
3. Валайбоб А. В. Лингвокультурный типаж «американский первопроходец»: символические характеристики: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2011. 20 с.
4. Воркачев С. Г. Семантизация концепта любви в русской и испанской лексикографии (сопоставительный анализ) // Язык и эмоции: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1995. С. 125-132.
5. Выстропова О. С. Антитеза как средство актуализации концепта «любовь» в творчестве Р. Бёрнса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. 1. С. 38-40.
6. Выстропова О. С. Базисные индивидуально-авторские концепты в поэзии Роберта Бёрнса: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2013. 20 с.
7. Карасик В. И. Культурные концепты: проблема ценностей // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1996. С. 3-16.
8. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010. 422 с.
9. Красавский Н. А. Концептосфера новеллы «Чудеса жизни» Стефана Цвейга // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (107). С. 184-191.
10. Красавский Н. А. Концептосфера рассказа Стефана Цвейга «Звезда над лесом» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (106). С. 167-173.
11. Кривошапко С. А. Концепты «время» и «пространство» в лирической поэзии С. А. Есенина: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ростов-на-Дону, 2010. 24 с.
12. Макарова О. С. Метафора в концептологии Ф. Ницше // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. 3. С. 111-113.

13. Попова З. Д. Куда же нам плыть? (К методике определения типа лексического концепта) // Филология и культура: материалы II Междунар. конф. (12-14 мая 1999 г.): сб.: в 3-х ч. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 1999. Ч. III. С. 104-107.
14. Попова С. В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2012. 24 с.
15. Grausam [Электронный ресурс]. URL: <http://wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 08.05.2016).
16. Kafka F. Die Verwandlung [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/22367> (дата обращения: 04.06.2016).

CONCEPTS “FEAR” AND “CRUELTY” IN THE STORY BY F. KAFKA “THE TRANSFORMATION”

Krasavskii Nikolai Alekseevich, Doctor in Philology, Professor
Volograd State Socio-Pedagogical University
nkrasawski@yandex.ru

By the material of the story “The Transformation” of the famous Austrian writer Franz Kafka the author identifies and describes the dominant concepts. To them he refers fear and cruelty. These concepts are frequently used in the story. The dominant status of the concepts “fear”, “cruelty” is conditioned by the ideological content of the story “The Transformation”. Their actualization in this literary work is implemented basically by explication as a means of verbalization.

Key words and phrases: linguo-conceptology; concept; conceptual sphere; word; lexeme; story; passage; verbal implementation.

УДК 811.554'373.6'367.622

В статье предпринята попытка объяснить происхождение нарицательных имен существительных йуорпурэ ‘тундра’ и йуослаабар ‘северная сторона’ в тундренном диалекте юкагирского языка. В этих лексических единицах непонятными и труднообъяснимыми остаются элементы йуор= и йуос=. Эти неизвестные элементы лексических единиц автор склонен связывать с именем существительным йоссо ‘мерзлота’.

Ключевые слова и фразы: полнозначные (знаменательные) части речи; неполнозначные (служебные) части речи; архаичные языковые элементы; юкагирский язык; тундренный диалект.

Курилов Гаврил Николаевич, д. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения РАН
inip@usp.ru*

ЭТИМОЛОГИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ЙУОРПУРЭ ‘ТУНДРА’ И ЙУОСЛААБАР ‘СЕВЕРНАЯ СТОРОНА’ ТУНДРЕННОГО ДИАЛЕКТА ЮКАГИРСКОГО ЯЗЫКА

В тундренном диалекте юкагирского языка находим несколько лексических единиц, в которых в нарушение правил сочетаемости послелогов с полнозначными словами [4] имеем такие случаи: *йуорпурэ* ‘тундра’ [9, с. 139], *йугуллаабар* ‘правая сторона’ [Там же, с. 130], *йавлаабар* ‘левая сторона’ [Там же, с. 105], *чавлаабар* ‘север’, ‘северная сторона’ [Там же, с. 530], *йуослаабар* ‘северная сторона’ [Там же, с. 140]. Все эти слова до сих пор в юкагироведении не подвергались этимологическому анализу [2; 6; 7; 8].

В приведенных выше примерах выделяются послелогои *пурэ* ‘на’, *лаабар* ‘сторона’. Они находятся в сочетании с *йуор=* (?), *йугул=* (это корень основы *йугулwэ* ‘мучиться’), *йав=* (это корневой элемент существительного *йавул* ‘путь, дорога’), *чав=* (это корневой элемент существительного *чавул* ‘море’), *йуос=* (?). Здесь, как было сказано выше, обнаруживается нарушение правил сочетаемости послелогов, т.е. служебных слов как неполнозначных частей речи с именем существительным [5].

В подтверждение приведем примеры сочетания данных послелогов с полнозначными словами: *самхараал пурэ* ‘на столе’, ‘на поверхности стола’, *эну лаабар* ‘на стороне реки’, *самхараал пурэн* ‘над столом’, ‘над поверхностью стола’, *эну лаабарун* ‘по стороне реки’, *самхараал пурэт* ‘со стола’, ‘с поверхности стола’, *эну лаабарут* ‘со стороны реки’ и т.д. Приведем фразовые примеры:

(1) – *Самхараал пурэ чофойэлэн худуолэл.* / ‘На столе (*самхараал* ‘стол’) лежит нож’ (здесь и далее материал и перевод автора – Г. К.).

(2) *Тэт пурэ ивильба картиналэн валуолэл.* / ‘Над тобой на жерди яранги (ровдужное жилище) висит картина’.

(3) *Мит банник эну лаабар оуонь.* / ‘Наша баня стоит на стороне реки (Алазеи)’. (*Мит* – личное местоимение мн.ч. – «мы» перед существительными превращается в притяжательное местоимение со значением «наше»).

Конечно, можно допустить, что в сочетаниях *йугулwэ лаабар* ‘сторона мучения’, *йавул лаабар* ‘сторона пути, дороги’, *чавул лаабар* ‘сторона моря’ в процессе многократного употребления полнозначные элементы этих образований были подвержены деформации, а именно – сокращению своей конечной части. Такое явление словосложения юкагирского языка встречается нередко. Например, *чумдамун* ‘позвоночник’ [9, с. 565] состоит из *чум=* < *чумур* ‘спина’, соединительного согласного [д], *амун* ‘кость’ (букв.: ‘спинная кость’), *йавдильыл* ‘тропа, тропинка’ [Там же, с. 106] состоит из *йав=* < ‘путь, дорога’, соединительного согласного [д],